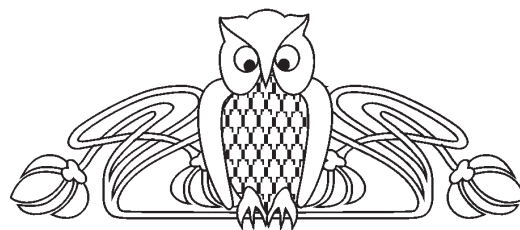

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2025. Т. 14, вып. 2 (54). С. 142–158
Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology, 2025, vol. 14, iss. 2 (54), pp. 142–158
<https://akmepsy.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2025-14-2-142-158>, EDN: RMCXOW

Научная статья
УДК 159.922

Возрастно-половые закономерности проявлений подросткового кризиса

В. Е. Василенко

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9

Василенко Виктория Евгеньевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии развития и дифференциальной психологии, v.vasilenko@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3070-5522>

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена расширением спектра траекторий взросления у современных подростков и необходимостью дифференцированного подхода к изучению возрастно-половых закономерностей протекания подросткового кризиса. **Цель:** выявление возрастно-половых закономерностей проявлений подросткового кризиса. **Гипотезы:** 1) проявления подросткового кризиса у современных подростков отмечаются уже с 10–11 лет, при этом критическая фаза приходится на возраст 13–14 лет, то есть на 7–8 классы; 2) половые различия в кризисной симптоматике зависят от фазы кризиса; 3) возрастно-половые закономерности формирования образа взрослости у подростков слабо выражены в силу высокой индивидуальной вариативности. **Участники:** симптомы кризиса изучались у подростков ($N = 508$; 209 мальчиков и 299 девочек; 477 подростков из Санкт-Петербурга, 20 подростков из Красноярска, 11 подростков из Сочи) в возрасте от 10 до 17 лет ($SD = 14$). Выборка была разделена на 3 группы по хронологическому возрасту: 10–12 лет ($n = 106$), 13–14 лет ($n = 150$) и 15–17 лет ($n = 252$), а также по классам обучения в школе: 5 и 6 классы ($n = 124$), 7 и 8 классы ($n = 154$) и 9 и 10 классы ($n = 230$). 204 подростка данной выборки также писали сочинение на тему взросления. **Методы (инструменты):** опросник симптомов подросткового кризиса (В. Е. Василенко), методика изучения образа взрослости (О. В. Курышева, К. Н. Поливанова). **Результаты:** период 10–12 лет (5 и 6 классы) можно назвать предкритической фазой, 13–14 лет (7 и 8 классы) – критической и 15–17 лет (9 и 10 классы) – посткритической. Половые различия менее выражены в критической фазе. В целом мальчики более склонны к реакциям эмансипации и группирования, а девочки – к гиперкомпенсации и интересу к внутреннему миру. Различия в образе взрослости выражены только между младшей и старшей группами, во всех группах преобладает второй тип «реальный план действий – внешняя взрослость». В 15–17 лет у девушек по сравнению с юношами образ взрослости более сформирован. **Основные выводы:** пик подросткового кризиса в среднем приходится на 13–14 лет, отмечается медленный темп формирования образа взрослости, половые различия не ярко выражены. **Практическая значимость:** понимание возрастно-половых закономерностей протекания подросткового кризиса может помочь при психологическом сопровождении процесса взросления подростков. **Ключевые слова:** подростковый кризис, подростки, проявления кризиса, симптомы кризиса, образ взрослости, возрастно-половые закономерности

Для цитирования: Василенко В. Е. Возрастно-половые закономерности проявлений подросткового кризиса // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2025. Т. 14, вып. 2 (54). С. 142–158. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2025-14-2-142-158>, EDN: RMCXOW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Age- and gender-specific patterns of adolescent crisis manifestations

V. E. Vasilenko

St. Petersburg State University, 7/9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia

Victoria E. Vasilenko, v.vasilenko@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3070-5522>

Abstract. The *relevance* of this study stems from the increasing diversity of trajectories of modern adolescents' development, as well as the need for a differentiated approach to studying the teenage crisis based on age and gender. The research *aims* to identify manifestations of the adolescent crisis across different ages and genders. The *hypotheses* are as follows: 1) manifestations of the adolescent crisis begin to appear in modern adolescents as early as 10–11 years old, with the critical phase occurring at 13–14 years old (grades 7–8); 2) gender differences in crisis symptoms depend on the phase of the crisis; and 3) the formation of the image of adulthood in adolescents, influenced by age and gender patterns, is weakly expressed due to high individual variability. **Participants:** the study analyzed symptoms of the adolescent crisis in 508 adolescents (209 boys and 299 girls; 477 teenagers were from St. Petersburg, 20 teenagers were from Krasnoyarsk, 11 teenagers were from Sochi) aged 10 to 17 years ($SD = 14$). The sample was divided into three age groups: 10–12 years old ($n = 106$), 13–14 years old ($n = 150$), and 15–17 years old ($n = 252$), as well as by school grades: grades 5–6 ($n = 124$), grades 7–8 ($n = 154$) and grades 9–10 ($n = 230$). Additionally, essays on growing up were

collected from 204 adolescents. *Methods (tools)*: the survey of adolescent crisis symptoms (V. E. Vasilenko), and the methodology for studying the image of adulthood (O. V. Kuryшева, K. N. Polivanova). *Results*: ages 10–12 (grades 5–6) represent a precritical phase, ages 13–14 (grades 7–8) constitute a critical phase, and ages 15–17 (grades 9–10) mark a post-critical phase. Gender differences are less pronounced during the critical phase. In general, boys are more prone to emancipation and grouping reactions, while girls are more prone to hypercompensation and interest in the inner world. Differences in the image of adulthood are observed primarily between the younger and older groups. The second type – “the real plan of action is external adulthood” – prevails across all groups. At ages 15–17, girls demonstrate a more developed image of adulthood compared to boys. *Main conclusions*: on average, the peak of the adolescent crisis occurs at ages 13–14. The formation of the image of adulthood progresses at a slow pace, with gender differences being less pronounced. *Practical significance*: understanding age- and gender-specific patterns of the adolescent crisis can be valuable for the psychological support during adolescents’ transition to adulthood.

Keywords: adolescent crisis, adolescents, crisis manifestations, crisis symptoms, image of adulthood, age- and gender-specific patterns

For citation: Vasilenko V. E. Age- and gender-specific patterns of adolescent crisis manifestations. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2025, vol. 14, iss. 2 (54), pp. 142–158 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2025-14-2-142-158>, EDN: RMCXOW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Подростковый кризис – один из наиболее ярких кризисных периодов жизненного цикла человека, Д. Б. Эльконин [1] относил его к категории «больших» кризисов, разделяющих эпохи развития – детство и подростничество.

При этом, если в периоды возрастных кризисов детства ведущей линией развития является биологическая, то в подростковом возрасте картина более сложная в силу большей индивидуализации и повышения роли биографической линии развития. Так, по мере взросления ребенка к биологическим факторам добавляются социальные, онтогенетическую форму развития дополняют жизненный цикл и жизненный путь.

В результате начало и завершение подросткового кризиса связаны с действием разнообразных факторов. Во-первых, это темпы физического, полового созревания, обусловленные половым диморфизмом, а также разными типами конституции. Во-вторых, это психофизиологические механизмы, определяющие в значительной степени психическое развитие, в том числе, когнитивную перестройку. В-третьих, на основе преобразований в познавательной сфере активно развивается рефлексия, формируется самосознание и появляется его особая форма – чувство взрослости, которое традиционно рассматривается как ключевое новообразование подросткового периода в целом. Ко всем этим факторам добавляются факторы среды, связанные с общим социокультурным и семейным контекстом, а также личностные особенности подростков.

Все это приводит к усилению неравномерности и гетерохронности развития, неопределенности границ подросткового кризиса и возможности его затяжного характера.

Данная ситуация находит свое отражение в периодизациях развития. Так, Л. С. Выготский маркировал подростковый кризис как «кризис 13 лет» [2], в то время как Д. Б. Эльконин снизил его границу до 11 лет [1]. К. Н. Поливанова согласна с Д. Б. Элькониным, что начало кризиса можно наблюдать уже в 10–11 лет и предлагает назвать этот кризис «предподростковым» [3, с. 75]. В этом названии отражается переходность от младшего школьного к подростковому возрасту, и сам период подросткового возраста вслед за идеей Л. С. Выготского рассматривается в норме как стабильный.

Как отмечал Л. С. Выготский [2], возрастные кризисы имеют 3 фазы: предкритическую, критическую и посткритическую. Тем не менее, в реальной жизни мы часто сталкиваемся с затяжным характером подросткового кризиса, когда посткритическую фазу сложно выделить. К. Н. Поливанова [3] объясняет это тем, что в социокультурном пространстве место для подростков не так четко обозначено, как для детей и взрослых, что усиливает неясность, размытость перехода на следующий возрастной этап.

Также важно отметить, что границы кризисов определяются этапами социализации и связаны с образом взрослости как некой идеальной формой. Все это тесно вплетено в социокультурный контекст с его ценностями, некоторыми табу и с возможными социальными границами экспериментирования в поведении.

В настоящее время зарубежные и отечественные исследования показывают усиление роли субъективных признаков/маркеров взросления, а также расширение спектра траекторий взросления подростков и юношей. Так, R. A. Settersten с соавторами [4] отмечают все большую вариативность и персонализированность маркеров взросления. Е. Marttinen с соавторами [5] указывают на увеличение зна-

чимости субъективных признаков взросления. А. В. Микляева с соавторами [6] обнаружили, что подростки с разным уровнем личностной зрелости включают в образ «Я – взрослый» как объективные (социально – демографические и формализованные характеристики), так и субъективные (индивидуализированные).

Что касается траекторий взросления, то, с одной стороны, мы видим проявление феноменов «продленного детства», «замороженного взросления», другими словами, феноменов «невзросления», которые, как отмечает Е. Е. Сапогова [7], могут встречаться не только в отрочестве и юности, но и в ранней взрослости. С другой стороны, мы можем обнаружить и полюс раннего осознанного взросления, когда подростки демонстрируют развитую рефлексия, целеполагание, настроены на психологическую сепарацию от родителей, стараются рано обрести финансовую и другие виды независимости.

Ж. М. Twenge, W. Keith Campbell [8] при анализе концепции формирующейся взрослости Дж. Арнетта также замечают, что удлинение детства содержит потенциал разных путей развития, а не только позднее взросление. Ф. С. Billari с соавторами [9] по данным лонгитюда, проведенного учеными из Австрии, Болгарии и Франции, выявили роль социальной стратификации для моделей взросления.

Также следует отметить, что, несмотря на увеличение спектра жизненных траекторий, молодые люди могут испытывать психологический дискомфорт при несоответствии маркерам взрослости. Такие выводы сделали J. Jongbloed и J. F. Giret [10] после широкомасштабного исследования в 24 странах Европы. К аналогичным результатам пришли и исследователи в США (Е. Culatta, J. Clay-Warner [11]) – несоответствие молодых людей ожиданиям в плане маркеров взросления сопровождается негативными эмоциональными переживаниями.

В процессе достижения маркеров взрослости основным мотивационным потенциалом обладают представления подростков о своем будущем, в том числе образ собственной взрослости, тесно связанный с чувством взрослости.

Чувство взрослости как особая форма самосознания, как стержневое новообразование подросткового периода было описано Д. Б. Элькониным и Т. В. Драгуновой [12]. Оно определяет переживания подростка, а также содержание и направленность его социальной активности.

Когортные исследования Н. Н. Толстых [13] (сравнение подростков 1950-х из исследования Д. Б. Элькониной, Т. В. Драгуновой [12], подростков 1980-х гг. и подростков в 2009–2010 гг.) выявили специфику рефлексии подростков разных поколений, что привело автора к выводу об уменьшении значимости рефлексии, и, соответственно, меньшей выраженности чувства взрослости у подростков более поздних когорт.

Исследовательский проект 2016 г. К. Н. Поливановой с соавторами [14], аналогичный проекту наблюдения за подростками 1960-х гг. Д. Б. Элькониной и Т. В. Драгуновой [12], выявил больше разных моделей поведения, связанного с чувством взрослости, по сравнению с оригинальным проектом.

В исследовании Ф. А. Швеца [15] на двух выборках подростков из Приморского края 12–15 лет (2012 и 2014 гг.) были выделены два крайних типа взросления: «чувство взрослости» и «нежелание взрослеть», а также «чувство промежуточно-переменчивого статуса». При этом, если на выборке 2012 г. у подростков преобладал статус «чувство взрослости» (46%), то на выборке 2014 г. у подростков доминировал промежуточный статус (у 55%), что показывает высокую вариативность данных.

Исследование В. В. Терещенко и И. М. Чуб [16] не выявило значимых возрастных различий в проявлении признаков личностной зрелости у подростков из 6-х и 9-х классов из г. Смоленска, что свидетельствует о высокой индивидуальной вариативности процесса взросления.

Что касается образа взрослости, то О. В. Курышева [17] и К. Н. Поливанова [3] отмечают, что в нем воплощается открываемая подростком идеальная форма взрослости, это целостный аффективно-когнитивный комплекс.

Лонгитюдное исследование О. В. Курышевой [17] выявило последовательность прохождения 4 этапов формирования образа взрослости у младших школьников и подростков. Прохождение этих этапов обусловлено индивидуальными особенностями детей и подростков, а также их возрастом.

Взросление подростков проходит через период кризиса, который имеет свою поведенческую симптоматику. В отечественной психологии классификация поведенческих реакций подростков была предложена А. Е. Личко [18]. Изначально он описывал реакции старших подростков: имитация, оппозиция, эманси-

пация, группирование, гиперкомпенсация и хобби-реакции. При разработке опросника выраженности симптомов подросткового кризиса В. Е. Василенко с соавторами были добавлены еще 2 симптома: аффект неадекватности и интерес к внутреннему миру [19]. Как показали дальнейшие эмпирические исследования Е. С. Рычихиной, В. Е. Василенко [20], А. Т. Мохаммада Акбара с соавторами [21], данные симптомы кризиса могут проявляться уже с 10–11 лет.

Классификация симптомов подросткового кризиса более сложна по сравнению с возрастными кризисами детства.

К категории конструктивных симптомов однозначно можно отнести только хобби-реакции (появление новых увлечений) и реакции, связанные с интересом к внутреннему миру.

В категории негативистских симптомов можно рассматривать реакцию оппозиции – активный протест, негативизм, т.е. реакцию не на само содержание действия, а на предложение взрослых. Также сюда можно отнести аффект неадекватности (сильная эмоциональная реакция, превышающая адекватный ответ на стимул, проявляющаяся обычно в повышенной обидчивости, болезненных реакциях на критику).

Реакцию имитации (подражание авторитетам, желание иметь определенные вещи, ценные в референтной группе) логично отнести к нейтральным симптомам.

Остальные симптомы носят амбивалентный характер. Так, реакция гиперкомпенсации (настойчивое желание добиться успеха именно в той области, где есть определенные проблемы) может иметь два полюса. В ней есть конструктивный волевой компонент – стремление преодолеть трудности, изменить в себе что-то. В то же время такое желание может стать навязчивым и гиперкомпенсация легко переходит в невротическую форму. Аналогично реакция группирования имеет явный конструктивный компонент, связанный с реализацией потребности в общении со сверстниками, с развитием навыков коммуникации. Но могут быть и негативные ее проявления – высокая конформность, снижение критичности мышления, готовность идти на поводу у группы, это может приводить к буллингу. Похожая ситуация и с комплексом реакций эмансипации. Безусловно, все они имеют конструктивное ядро, т.к. направлены на решение задач развития – обретение психологической сепарации от родителей, становление

на путь автономности. Но в реальной жизни эти реакции у подростков обычно сопровождаются высокой конфликтностью при взаимодействии с родителями и другими взрослыми, т.е. в них выражен и негативистский полюс, подчеркивающий трудности во взаимоотношениях.

Все это свидетельствует об актуальности исследований процесса взросления у современных подростков.

Целью исследования, представленного в статье, стало выявление возрастно-половых закономерностей проявлений подросткового кризиса.

Под кризисными проявлениями мы понимаем симптомы, то есть поведенческие реакции, а также сформированность у подростков образа собственной взрослости как новообразование периода.

Гипотезы исследования заключались в следующем.

1. Проявления подросткового кризиса у современных подростков отмечаются уже с 10–11 лет, при этом критическая фаза приходится на возраст 13–14 лет, т.е. на 7–8 классы.

2. Половые различия в кризисной симптоматике зависят от фазы кризиса.

3. Возрастно-половые закономерности формирования образа взрослости у подростков слабо выражены в силу высокой индивидуальной вариативности.

При выдвижении данных гипотез мы опирались на теоретические разработки в области возрастных кризисов Л. С. Выготского [2], Д. Б. Эльконина [1] и К. Н. Поливановой [3], а также на выявленные закономерности при изучении кризисов детства – так, например, половая специфика протекания кризиса 3 лет по эмпирическим данным Ю. Ю. Улановой, В. Е. Василенко [22] более всего проявляется в критическую фазу.

Новизна представленного исследования заключается в комплексном подходе к изучению новообразований и симптомов подросткового кризиса, а также в дифференцированном подходе к анализу возрастно-половых закономерностей его протекания.

Материалы

Участники исследования. Общую выборку исследования при заполнении опросника симптомов составили 508 подростков (209 мальчиков и 299 девочек). Исследование проводилось

в 2016–2024 гг. Большинство подростков (94%) из Санкт-Петербурга ($n = 477$), также в исследовании приняло участие 20 подростков из Красноярска и 11 подростков из Сочи.

Возраст подростков – от 10 до 17 лет, средний возраст – 14 лет. Все подростки делились на возрастные группы по 2 принципам: 1) по хронологическому возрасту и 2) по классу обучения.

В результате были выделены 3 микровозрастные группы:

1) младшая возрастная группа – от 10 до 12 лет – 106 подростков (49 мальчиков и 57 девочек);

2) средняя возрастная группа – от 13 до 14 лет – 150 подростков (70 мальчиков и 80 девочек);

3) старшая возрастная группа – от 15 до 17 лет – 252 подростка (90 юношей и 162 девушки).

Также были выделены 3 группы по классам:

1) группа 5 и 6 классов – 124 подростка (60 мальчиков и 64 девочки);

2) группа 7 и 8 классов – 154 подростка (69 мальчиков и 85 девочек);

3) группа 9 и 10 классов – 230 подростков (80 юношей и 150 девушек).

71% исследуемой выборки – учащиеся гимназий или лицеев, 29% подростков – учащиеся общеобразовательных школ. Большинство подростков из полных семей и имеют сиблингов.

204 подростка данной выборки (66 мальчиков и 138 девочек; младшая возрастная группа 10–11 лет – 47 подростков, средняя возрастная группа 13–14 лет – 26 подростков и старшая возрастная группа 15–17 лет – 131 подросток) также выполняли методику О. В. Курышевой [17], К. Н. Поливановой [3]).

Методики. Симптомы подросткового кризиса изучались посредством опросника выраженности симптомов подросткового кризиса В. Е. Василенко с соавторами (форма для подростков) [19]. Опросник позволяет оценить выраженность отдельных 11 симптомов кризиса (от 0 до 12 баллов), общий показатель кризиса (в %), показатель конструктивных симптомов (в %), а также показатель негативистских, нейтральных и амбивалентных симптомов (в %). В показатель конструктивных симптомов входят 2 симптома: хобби-реакции и интерес к внутреннему миру. Во второй показатель входят 2 негативистских симптома (аффект неадек-

ватности и реакция оппозиции), 1 нейтральный симптом (реакция имитации) и 6 амбивалентных симптомов: реакция гиперкомпенсации, реакция группирования, эмоциональная эмансипация, нормативная эмансипация, поведенческая эмансипация и пространственная автономия.

Образ взрослости у подростков изучался по методике О. В. Курышевой [17] и К. Н. Поливановой [3] – сочинение на тему «Когда, в каких ситуациях я ощущаю себя взрослым» (без ограничений по времени и объему текста). Контент-анализ сочинений идет по двум критериям: 1) план действий: реальный (описание реальных жизненных ситуаций) или условный (детский, с элементами фантазии или, наоборот, более зрелый, обобщенный); 2) признаки взрослости: внешние, общепринятые или внутренние, до которых подросток дошел сам в своих размышлениях. На основе этих двух критериев по двум осям строится матрица, включающая четыре типа образа взрослости.

Тип 1. «Условный план действий – внешняя взрослость» – первые, сильно эмоционально окрашенные ситуации, когда подросток ощутил себя взрослым, с элементами вымысла и фантазии (часто герой совершает социально одобряемый поступок – спасение животных, помощь кому-то).

Тип 2. «Реальный план действий – внешняя взрослость» – отдельные реальные ситуации (часто бытовые), где подросток делает что-то самостоятельно, без контроля, указание на новый статус, на то, что поручили что-то сложное. В текстах этого типа также важно окружение, которому предъявляются признаки взрослости.

Тип 3. «Реальный план действий – внутренняя взрослость» – действия, так же, как и во втором типе, реально совершаемые, но описываются уже не всплески взрослости, а типы ситуаций. Более важен результат сделанного, признаки взрослости личностно модифицированы, значимы для конкретного подростка.

Тип 4. «Условный план действий – внутренняя взрослость» – обобщенные описания уже без реальных действий, но с указанием на личностно значимые критерии. Проявляется представление о взрослости как единстве самостоятельности и ответственности.

В результате каждому сочинению был присвоен балл от 1 до 4. Этот показатель можно интерпретировать и как номинативный (каче-

ственно своеобразный тип образа взрослости), и как количественный – как уровень сформированности образа взрослости от наименее зрелого к более зрелому.

Методы анализа данных. Математико-статистическая обработка данных осуществлялась при помощи программы SPSS-21. Проверка на нормальность распределения по асимметрии и эксцессу показала, что распределение соответствует нормальному. Применялся дисперсионный анализ для выявления различий по возрастным группам, группам по классам (метод множественных сравнений Г. Шеффе) и по полу.

Результаты и их обсуждение

Проведенное исследование выявило, что во всех трех возрастных группах показатель конструктивных симптомов находится на высоком уровне, а показатель негативистских,

нейтральных и амбивалентных симптомов и общий показатель подросткового кризиса – на среднем уровне (табл. 1). Такое протекание кризиса у подростков можно охарактеризовать как благополучное. Это согласуется с данными Л. А. Головей и М. В. Даниловой [23], предпринявших исследование субъективного благополучия и удовлетворенности жизнью у подростков 14–17 лет.

Как видно из табл. 1, в первой возрастной группе (10–12 лет) наиболее выражены реакция гиперкомпенсации, хобби-реакции и пространственная автономия. Во второй группе подростков в возрасте от 13 до 14 лет преобладают хобби-реакции, гиперкомпенсация и интерес к внутреннему миру. В третьей группе подростков в возрасте от 15 до 17 лет доминируют выраженность гиперкомпенсации, интереса к внутреннему миру и хобби-реакции. Таким образом, во всех возрастных группах наиболее выражены гиперкомпенсация и

Таблица 1 / Table 1

Выраженность показателей симптомов кризиса у подростков в зависимости от возраста Manifestation of crisis symptoms in adolescents depending on their age

Показатели симптомов подросткового кризиса	10–12 лет (n = 106)		13–14 лет (n = 150)		15–17 лет (n = 252)	
	М	σ	М	σ	М	σ
Отдельные симптомы кризиса (max = 12)						
Аффект неадекватности	5,88	2,89	5,69	2,98	4,52	2,61
Реакция имитации	4,73	2,48	4,75	2,66	4,75	2,44
Реакция оппозиции	5,66	3,28	6,13	3,00	5,33	2,87
Реакция гиперкомпенсации	8,28	3,71	7,78	2,56	7,92	2,58
Реакция группирования	5,67	2,73	5,44	2,88	5,14	2,82
Эмоциональная эмансипация	5,42	3,23	5,83	3,12	5,49	3,09
Нормативная эмансипация	6,76	2,70	7,38	2,46	6,94	2,57
Поведенческая эмансипация	5,61	2,97	6,04	2,74	5,66	2,95
Пространственная автономия	6,97	3,63	7,35	3,13	6,67	3,15
Хобби - реакции	8,10	2,75	8,11	2,31	7,37	2,57
Интерес к внутреннему миру	6,86	3,08	7,75	2,89	7,85	2,78
Общие показатели кризиса (max = 100)						
Общий показатель кризиса	53,01	14,87	54,59	14,09	51,24	13,16
Показатель конструктивных симптомов	62,52	19,87	66,03	17,00	63,49	17,18
Показатель негативистских, нейтральных и амбивалентных симптомов	50,79	16,26	52,23	15,36	48,48	14,37

хобби-реакции. Также выражены интерес к внутреннему миру и пространственная автономия. Остальные симптомы проявляются на среднем уровне. Менее всего во всех группах выражена реакция имитации.

В целом анализ отдельных симптомов подтверждает, что кризис у подростков протекает в основном в конструктивном русле, но при этом возможны проявления конфликтности с окружающими и невротичности.

Интересно отметить, что триада ведущих симптомов (гиперкомпенсация, хобби-реакции и интерес к внутреннему миру) характерна и для подростков афганской диаспоры в России по данным А. Т. Мохаммад Акбара со авторами [21].

Обратимся к рассмотрению данных микро-возрастных различий в показателях симптомов подросткового кризиса у подростков трех возрастных групп (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Выраженность значимых различий в показателях симптомов подросткового кризиса в зависимости от возраста
Significant differences in symptoms manifestation of adolescent crisis depending on age

Показатели симптомов подросткового кризиса	10–12 и 13–14 лет		10–12 и 15–17 лет		13–14 и 15–17 лет	
	Средняя разность	<i>p</i> – level	Средняя разность	<i>p</i> – level	Средняя разность	<i>p</i> – level
Аффект неадекватности	–	–	1,36	0,000	1,18	0,000
Реакция оппозиции	–	–	–	–	0,80	0,036
Хобби-реакции	–	–	0,73	0,046	0,73	0,020
Интерес к внутреннему миру	–0,89	0,053	–0,99	0,013	–	–
Показатель негативистских, нейтральных и амбивалентных симптомов	–	–	–	–	3,74	0,056
Общий показатель кризиса	–	–	–	–	3,34	0,065

Примечание. Пустые ячейки в таблице обозначают отсутствие значимых различий.

Note. Empty cells in the table indicate that there are no significant differences.

Как видно из табл. 2, общий показатель кризиса и показатель негативистских, нейтральных и амбивалентных симптомов на уровне статистической тенденции в группе подростков в возрасте от 13 до 14 лет выше, чем в группе подростков в возрасте от 15 до 17 лет.

Аффект неадекватности в группе подростков в возрасте от 15 до 17 лет ниже, чем в группах подростков в возрасте 10–12 и 13–14 лет. Реакция оппозиции более свойственна среднему подростковому возрасту по сравнению со старшим. Появление новых увлечений менее свойственно старшим подросткам по сравнению с младшей и средней группами. Интерес к внутреннему миру, наоборот, более выражен в среднем и старшем подростковом возрасте. Сопоставление этих данных с выявленными К. Ю. Ануфриюк [24] типами субъектности показывает, что для младших подростков более характерен активный тип, а для старших – рефлексивный.

Перейдем к анализу выраженности симптомов кризиса у подростков в зависимости от класса обучения (табл. 3).

Как видно из табл. 3, профили симптомов в трех группах при делении по классам похожи на профили по трем возрастным группам. Во всех трех группах также более выражена конструктивная категория симптомов. Доминирующие триады симптомов повторяют те, что проявились раньше по возрастному критерию. Наименее выраженным симптомом во всех трех группах остается имитация.

При этом принцип деления по классам позволил выявить больше значимых межгрупповых различий выраженности показателей симптомов подросткового кризиса (табл. 4).

Как видно из табл. 4, общий показатель кризиса, а также показатель негативистских, нейтральных и амбивалентных симптомов в старшей группе (9 и 10 классы) ниже, чем в младшей (5 и 6 классы) и средней (7 и 8 классы).

Таблица 3 / Table 3

Выраженность показателей симптомов кризиса у подростков в зависимости от класса обучения
Manifestation of crisis symptoms in adolescents depending on their grade

Показатели симптомов подросткового кризиса	5–6 классы (n = 124)		7–8 классы (n = 154)		9–10 классы (n = 230)	
	М	σ	М	σ	М	σ
Отдельные симптомы кризиса (max=12)						
Аффект неадекватности	6,09	2,83	5,49	2,98	4,41	2,57
Реакция имитации	4,75	2,55	4,75	2,57	4,74	2,47
Реакция оппозиции	5,77	3,39	6,07	2,89	5,27	2,84
Реакция гиперкомпенсации	8,23	3,53	7,88	2,54	7,86	2,63
Реакция группирования	5,87	2,85	5,27	2,83	5,10	2,78
Эмоциональная эмансипация	5,63	3,15	5,81	3,14	5,39	3,10
Нормативная эмансипация	6,88	2,63	7,41	2,45	6,86	2,60
Поведенческая эмансипация	5,67	3,00	6,24	2,81	5,50	2,87
Пространственная автономия	7,06	3,58	7,36	3,07	6,58	3,17
Хобби - реакции	8,15	2,68	8,18	2,34	7,23	2,55
Интерес к внутреннему миру	6,86	3,07	8,08	2,80	7,70	2,80
Общие показатели кризиса (max = 100)						
Общий показатель кризиса	53,78	14,67	54,81	14,05	50,48	13,00
Показатель конструктивных симптомов	62,69	19,18	67,77	17,26	62,27	16,93
Показатель негативистских, нейтральных и амбивалентных симптомов	51,72	16,32	52,12	15,05	47,81	14,26

Таблица 4 / Table 4

Выраженность значимых межгрупповых различий в показателях симптомов подросткового кризиса подростков в зависимости от класса обучения
Significant intergroup differences in symptoms manifestation of adolescent crisis in adolescents depending on their grade

Показатели симптомов подросткового кризиса	5–6 и 7–8 классы		5–6 и 9–10 классы		7–8 и 9–10 классы	
	Средняя разность	p – level	Средняя разность	p – level	Средняя разность	p – level
Аффект неадекватности	–	–	1,68	0,000	1,08	0,001
Реакция оппозиции	–	–	–	–	0,80	0,038
Реакция группирования	–	–	0,77	0,049	–	–
Поведенческая эмансипация	–	–	–	–	0,74	0,047
Пространственная автономия	–	–	–	–	0,78	0,071
Хобби-реакции	–	–	0,91	0,005	0,95	0,002
Интерес к внутреннему миру	–1,22	0,002	–0,83	0,034	–	–
Показатель конструктивных симптомов	–5,08	0,058	–	–	5,50	0,012
Показатель негативистских, нейтральных и амбивалентных симптомов	–	–	3,90	0,067	4,30	0,023
Общий показатель кризиса	–	–	3,30	0,099	4,32	0,011

Примечание. Пустые ячейки в таблице обозначают отсутствие значимых различий.

Note. Empty cells in the table indicate that there are no significant differences.

Аффект неадекватности в третьей группе ниже, чем в первой и во второй группах. Реакция оппозиции выше в 7 и 8 классах по сравнению с 9 и 10 классами. Реакция группирования более выражена в 5 и 6 классах по сравнению с 9 и 10 классами. Поведенческая эмансипация и пространственная автономия более выражены в 7 и 8 классах по сравнению с 9 и 10 классами. Хобби-реакции менее свойственны старшим подросткам 9 и 10 классов по сравнению с 5 и 6, а также с 7 и 8 классами. Интерес к внутреннему миру, наоборот, более выражен в 7 и 8, 9 и 10 классах по сравнению с 5 и 6 классами.

Таким образом, оба вида анализа (по возрасту и по классу) показывают примерно одинаковую картину. В 10 – 12 лет, т.е. в 5– 6 классах мы наблюдаем переход от предкритической к критической фазе, у подростков достигают самых высоких значений (на протяжении всего периода) такие симптомы, как гиперкомпенсация и аффект неадекватности.

Пик кризиса приходится на возраст 13–14 лет или на 7 и 8 классы. Возраст 15–16 лет (9 и

10 классы) приходится скорее на посткритическую фазу. Эти закономерности согласуются с данными изучения агрессии у подростков А. В. Егоровой с соавторами [25] – отмечается снижение физической агрессии с 15 до 17 лет.

При этом анализ выраженности показателей симптомов подросткового кризиса в зависимости от класса обучения дает более дифференцированную картину, чем по хронологическому возрасту. Можно предположить, что в данном случае на возрастные закономерности накладываются еще групповые эффекты и все это дает усиление симптоматики. Так, в исследовании школьной повседневности старшеклассников из гимназий и лицеев С. Д. Полякова с соавторами [26] показано значение как общих возрастных особенностей и сходных социокультурных ситуаций, так и более частных характеристик образовательной среды и социального статуса семей.

Перейдем к рассмотрению различий выраженности симптомов кризиса в зависимости от пола в общей выборке подростков (табл. 5).

Таблица 5 / Table 5

Выраженность показателей симптомов кризиса у подростков в зависимости от пола
Manifestation of crisis symptoms in adolescents depending on their gender

Показатели симптомов подросткового кризиса	Юноши (n = 209)		Девушки (n = 299)		Значимость различий	
	М	σ	М	σ	F-кр.	p
Отдельные симптомы кризиса (max = 12)						
Аффект неадекватности	5,16	2,89	5,11	2,80	–	–
Реакция имитации	4,75	2,57	4,75	2,47	–	–
Реакция оппозиции	5,84	3,03	5,47	2,98	–	–
Реакция гиперкомпенсации	7,66	2,55	8,16	3,03	3,77	0,053
Реакция группирования	5,61	2,74	5,16	2,87	3,18	0,075
Эмоциональная эмансипация	5,73	3,10	5,46	3,14	–	–
Нормативная эмансипация	7,27	2,57	6,86	2,57	3,17	0,076
Поведенческая эмансипация	6,14	2,76	5,49	2,96	6,21	0,013
Пространственная автономия	6,86	3,41	6,97	3,14	–	–
Хобби - реакции	7,92	2,47	7,62	2,62	–	–
Интерес к внутреннему миру	7,32	2,96	7,83	2,83	3,81	0,051
Общие показатели (max = 100)						
Общий показатель кризиса	53,20	13,50	52,13	14,10	–	–
Показатель конструктивных симптомов	63,59	17,15	64,42	18,14	–	–
Показатель негативистских, нейтральных и амбивалентных симптомов	50,89	14,88	49,43	15,28	–	–

Примечание. Прочерки обозначают отсутствие значимых различий.

Note. Empty cells in the table indicate that there are no significant differences.

Как видно из табл. 5, значимых различий в общих показателях кризиса на общей выборке в зависимости от пола не выявлено. По отдельным симптомам выявлено лишь одно значимое различие – поведенческая эмансипация более выражена у мальчиков/юношей по сравнению с девочками/девушками. Также выявлен ряд различий на уровне статистической тенденции: у мальчиков/юношей по сравнению с девочками/девушками выше показатели реакции группирования и нормативной эмансипации и ниже показатели гиперкомпенсации и интереса к внутреннему миру.

Таким образом, мальчики/юноши более склонны к реакциям эмансипации и группирования

(симптомы амбивалентной группы), а девочки/девушки – к реакции гиперкомпенсации (может иметь как конструктивный, так и невротический полюс) и к повышению интереса к внутреннему миру (конструктивный симптом).

Учитывая то, что психофизиологическое и половое созревание у девочек обычно начинается на 1–2 года раньше, чем у мальчиков, имеет смысл проанализировать половые различия в выраженности симптомов кризиса отдельно в трех возрастных группах.

На рис. 1 представлена выраженность значимых различий показателей симптомов кризиса в возрастной группе от 10 до 12 лет в зависимости от пола (49 мальчиков и 57 девочек).

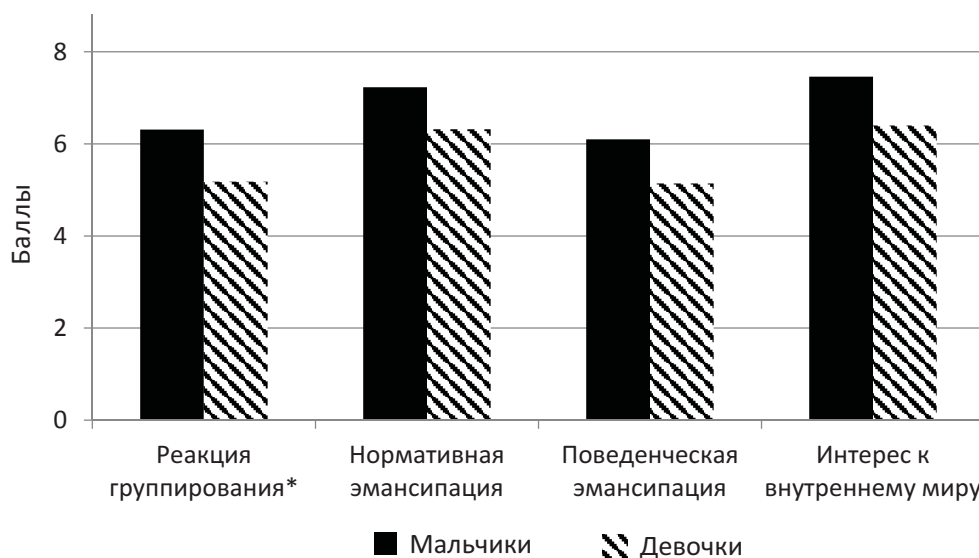

Рис. 1. Выраженность значимых различий показателей симптомов кризиса в зависимости от пола в возрастной группе от 10 до 12 лет. * – $p < 0,05$

Fig. 1. Significant differences in crisis symptoms manifestation depending on gender in the 10–12 age group. * – $p < 0,05$

Как видно из рис. 1, среди подростков 10–12 лет у мальчиков по сравнению с девочками выше реакция группирования. На уровне статистической тенденции у мальчиков также выше нормативная и поведенческая эмансипация и интерес к внутреннему миру.

На рис. 2 представлена выраженность значимых различий показателей симптомов кризиса в зависимости от пола в возрастной группе от 13 до 14 лет (70 мальчиков и 80 девочек).

Как видно из рис. 2, среди подростков 13–14 лет на уровне статистической тенденции у девочек более выражены пространственная автономия и интерес к внутреннему миру.

На рис. 3 представлена выраженность значимых различий показателей симптомов кризиса в возрастной группе от 15 до 17 лет в зависимости от пола (90 юношей и 162 девушки).

Как видно из рис. 3, среди подростков 15–17 лет у юношей по сравнению с девушками выше поведенческая эмансипация и реакция оппозиции, но ниже гиперкомпенсация и интерес к внутреннему миру.

Таким образом, половые различия более выражены в предкритической и посткритической фазах, в критической фазе они выражены слабо (в отличие от данных Ю. Ю. Улановой, В. Е. Василенко [22] при изучении кризиса 3 лет.

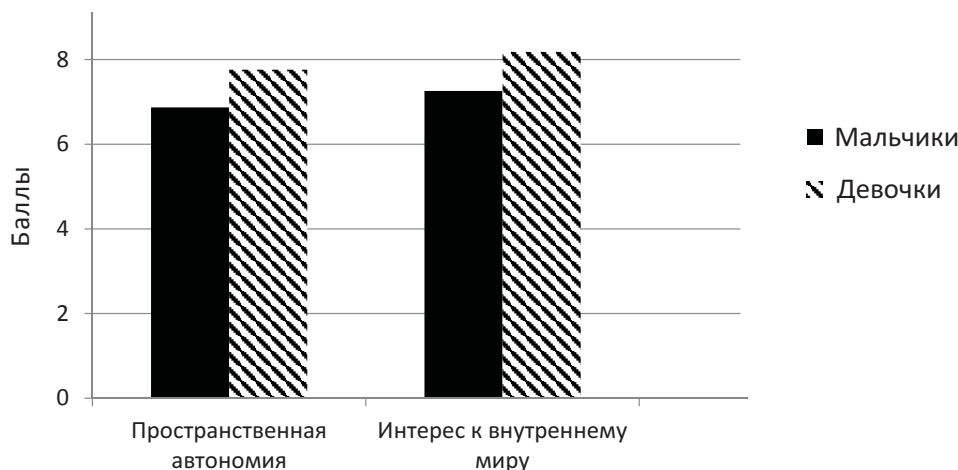

Рис. 2. Выраженность значимых различий показателей симптомов кризиса в зависимости от пола в возрастной группе от 13 до 14 лет

Fig. 2. Significant differences in crisis symptoms manifestation depending on gender in the 13–14 age group

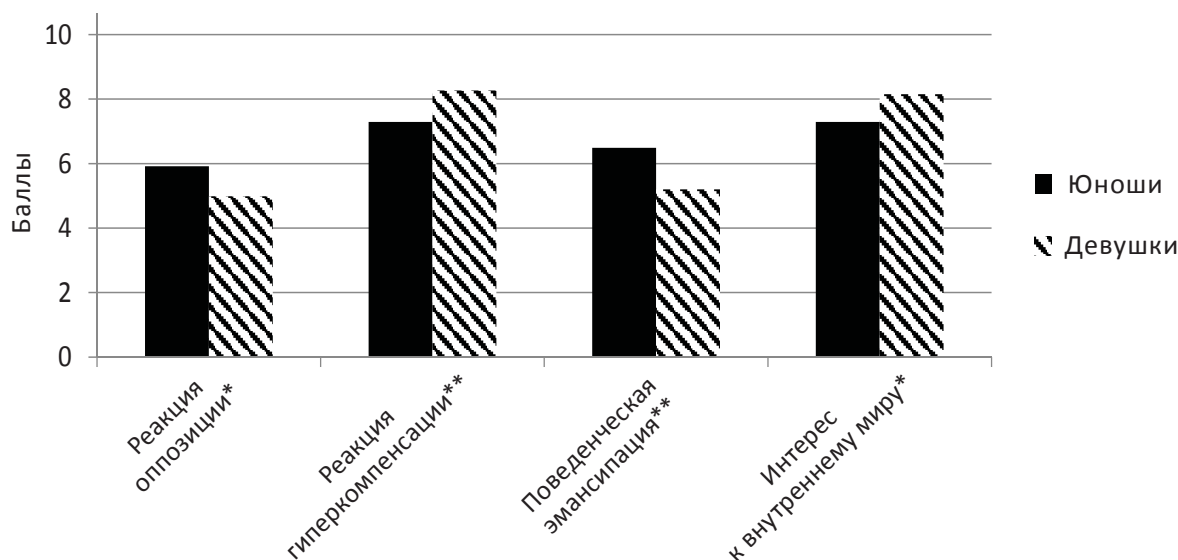

Рис. 3. Выраженность значимых различий показателей симптомов кризиса в зависимости от пола в возрастной группе от 15 до 17 лет. * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$

Fig. 3. Significant differences in crisis symptoms manifestation depending on gender in the 15–17 age group. * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$

Также мы видим кроме линейных и нелинейные закономерности. Так, интерес к внутреннему миру в первой возрастной группе выше у мальчиков по сравнению с девочками, во второй и третьей группах, наоборот, он выше у девочек.

В целом мальчики/юноши более склонны к экстермальным реакциям эмансипации, группирования и оппозиции, а девочки/девушки – к интернальным реакциям гиперкомпенсации и интереса к внутреннему миру. Это согласуется с данными лонгитюдного исследования

шведских подростков 15–18 лет, проведенного А.-М. Rydell и К. С. Brocki [27], где было выявлено, что у юношей больше правонарушений, а у девушек выше симптомы интернализации.

Анализ половых различий в классах в целом повторяет выявленные различия в возрастных группах, но в 5 и 6 классах половых различий выявлено меньше, чем в группе подростков 10–12 лет. Таким образом, если включенность в те или иные классы усиливает возрастные закономерности, то эффекты различий по полу, наоборот, становятся менее выраженными.

Перейдем к результатам исследования возрастного-половых различий в сформированности образа взрослости у подростков по методике О. В. Курышевой [17], К. Н. Поливановой.

На рис. 4 представлено процентное соотношение выраженности разных типов образа взрослости у подростков 10–12 лет ($n = 47$), 13–14 лет ($n = 26$) и 15–17 лет ($n = 131$).

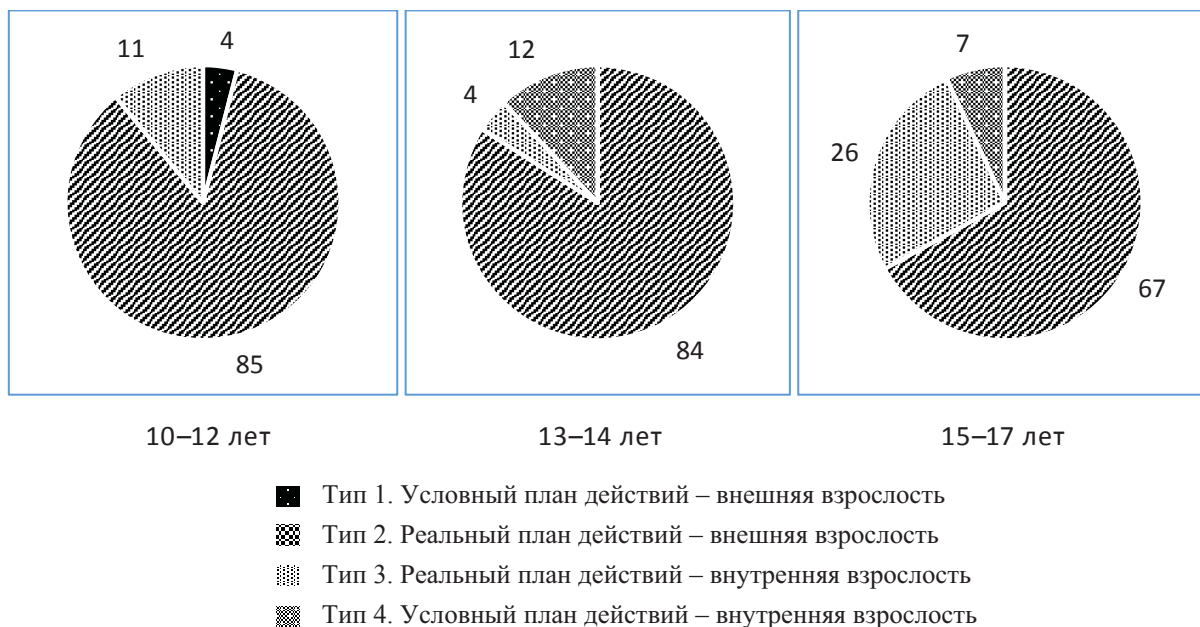

Рис. 4. Процентное соотношение выраженности типов образа взрослости подростков в зависимости от возраста
Fig. 4. Proportion of types of adulthood images in adolescents depending on their age

Как видно из рис. 4, у подростков 10–12 лет преобладает тип 2 «Реальный план действий – внешняя взрослость» (85%). У 11% подростков выявлен тип 3 «Реальный план действий – внутренняя взрослость». У 4% подростков отмечается еще самый незрелый тип 1 «Условный план действий – внешняя взрослость». Самый зрелый тип 4 «Условный план действий – внутренняя взрослость» не встречается.

У подростков 13–14 лет, как и в 10–12 лет, преобладает тип 2 (84%). У 4% подростков выявлен тип 3. У 12% подростков отмечается самый зрелый тип 4. Тип 1 уже не представлен.

У подростков 15–17 лет, так же, как и в 13–14 лет, уже не встречается тип 1. Продолжает преобладать тип 2, но % его выраженности снижается до 67%. На втором месте находится тип 3, на третьем – тип 4.

Метод множественных сравнений Г. Шеффе (сравнение баллов) выявил значимость различий в сформированности образа взрослости у подростков 15–17 и 10–12 лет – у старших

подростков сформированность образа взрослости выше ($M = 2,4$ и $M = 2,06$; $p = 0,001$). Со второй возрастной группой (13–14 лет) различий не выявлено. Сравнение по классам подтверждает эти данные.

Таким образом, формирование образа собственной взрослости у подростков происходит постепенно, темп изменений невысокий.

Перейдем к рассмотрению выраженности типов образа взрослости у подростков в зависимости от пола.

На рис. 5 представлено процентное соотношение разных типов образа взрослости у мальчиков/юношей ($n = 66$) и у девочек/девушек ($n = 138$) (на всей выборке в возрасте от 10 до 17 лет).

У мальчиков представлены все 4 типа образа взрослости. Преобладает тип 2 (83%). Далее идут тип 3 (12%), тип 4 (3%) и тип 1 (2%).

У девочек не встречается тип 1 образа взрослости. Преобладает тип 2, но его выраженность ниже, чем у мальчиков (70%). Далее идут тип 3 (23%) и тип 4 (7%), которые более выражены, чем у мальчиков.

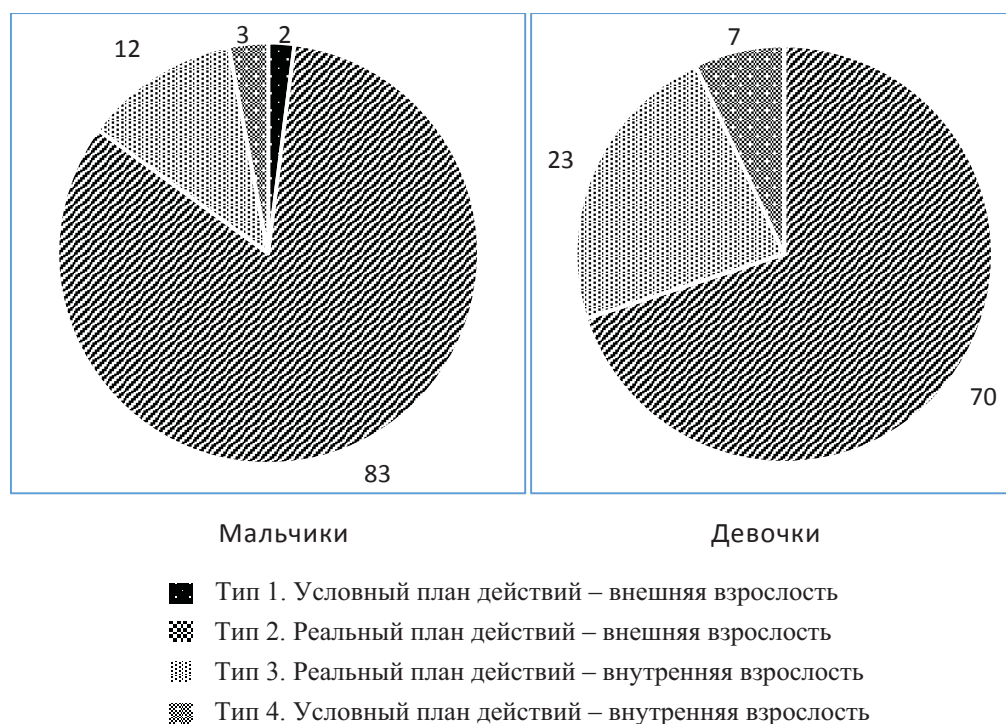

Рис. 5. Процентное соотношение выраженности типов образа взрослости у подростков в зависимости от пола

Fig. 5. Proportion of manifestations of types of adulthood images in adolescents depending on their gender

Дисперсионный анализ подтвердил более высокую сформированность образа взрослости у девочек по сравнению с мальчиками на всей выборке ($M = 2,38$ и $M = 2,17$; $p = 0,018$), а также в старшей возрастной группе 15–17 лет ($M = 2,48$ и $M = 2,21$; $p = 0,020$).

Сравнение показателей сформированности образа взрослости с данными О. В. Курышевой [17], полученными в конце 1990-х гг. на выборке младших школьников и подростков 9–12 лет позволяет сделать вывод о более замедленном темпе формирования образа взрослости у современных подростков. Так, ее данные лонгитюдного исследования свидетельствуют о том, что на последнем этапе третий тип встречался чаще (а это были еще младшие подростки). Это согласуется и с данными исследования образа взрослости у современных подростков Т. П. Мининой, В. Е. Василенко [28].

Выявленные нами возрастно-половые различия в образе взрослости обладают некоторой новизной, так как в предыдущих исследованиях на российских выборках констатировалось отсутствие половых различий (исследование А. В. Омеляненко с соавторами) [29], отсут-

ствие возрастно-половых различий (исследование Т. П. Мининой, В. Е. Василенко) [28]. На выборке подростков афганской диаспоры в России по данным А. Т. Мохаммада Акбара с соавторами [21] также не было выявлено различий по полу, возрастные различия между подростками 10–12 и 13–16 лет проявились только на уровне статистической тенденции.

Выводы

Таким образом, первая гипотеза исследования подтвердилась. У подростков 10–12 лет 5–6 классов отмечаются признаки наступления кризиса (обостряются реакции гиперкомпенсации, группирования, аффект неадекватности, появляются новые увлечения), этот период можно назвать предкритической фазой. Период 13–14 лет (7 и 8 классы) в целом соответствует критической фазе, в этот период показатели симптоматики кризиса наиболее высоки. Период 15–17 лет (9–10 классы) можно рассматривать как посткритическую фазу – симптоматика идет на спад.

Важно отметить, что принцип деления подростков по классам дал больше возрастных различий, чем при делении по хронологическому возрасту. Это свидетельствует о том, что возрастные закономерности могут усиливаться благодаря групповым эффектам (включение подростков примерно одного возраста в единый коллектив).

Вторая гипотеза исследования заключалась в том, что половые различия в кризисной симптоматике зависят от фазы кризиса. На общей выборке выявлено, что у мальчиков/юношей более выражена поведенческая эмансипация и на уровне статистической тенденции у них выше показатели реакции группирования и нормативной эмансипации и ниже показатели реакции гиперкомпенсации и интереса к внутреннему миру. В критическую фазу различий выявлено меньше, чем в предкритическую и посткритическую. Анализ половых различий в трех возрастных группах показывает наличие не только линейных, но и нелинейных закономерностей. Так, например, интерес к внутреннему миру в первой возрастной группе выше у мальчиков, а во второй и третьей – у девочек.

Что касается сформированности у подростков образа собственной взрослости, то третья гипотеза в целом подтвердилась. По возрасту различия выявлены только между младшей и старшей группами, во всех трех возрастных группах преобладает второй тип образа взрослости – «реальный план действий – внешняя взрослость». Отмечается большая сформированность образа взрослости у девушек на всей выборке и в старшей возрастной группе.

Таким образом, мы видим медленный темп формирования образа собственной взрослости у современных подростков.

Практическая значимость исследования заключается в том, что понимание возрастно-половых закономерностей в кризисных проявлениях может помочь при психологическом сопровождении процесса взросления подростков.

Основным ограничением исследования является то, что применялся метод поперечных срезов. Для изучения динамики кризисных проявлений перспективным является метод лонгитюда, именно он позволяет реализовать методологический принцип изучения кризисных периодов, наиболее четко сформулированный Т. В. Гуськовой и М. Г. Елагиной [30]: сравнение поведения одного и того же ребенка/подростка в одинаковых ситуациях в стабильный период

до кризиса, в период кризиса и после кризиса. Тем не менее, на достаточно представительных выборках и метод поперечных срезов позволил увидеть основные возрастно-половые закономерности, что создает основу для дальнейших исследований.

Библиографический список

1. Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М. : Педагогика, 1989. 560 с.
2. Выготский Л. С. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 4: Детская психология. М. : Педагогика, 1984. 432 с.
3. Поливанова К. Н. Психология возрастных кризисов. М. : Академия, 2000. 184 с. EDN: QXOQUZ
4. Settersten R. A., Ottusch T. M., Schneider B. Becoming Adult: Meanings of Markers to Adulthood // Emerging Trends in the Social and Behavioral Sciences: An Interdisciplinary, Searchable, and Linkable Resource / eds. R. A. Scott, M. C. Buchmann. New York : John Wiley & Sons, 2015. P. 1–16. <https://doi.org/10.1002/9781118900772.etrds0021>
5. Martinen E., Dietrich J., Salmela-Aro K. Intentional Engagement in the Transition to Adulthood: An Integrative Perspective on Identity, Career, and Goal Developmental Regulation // European Psychologist. 2018. Vol. 23, iss. 4. P. 311–323. <https://doi.org/10.1027/1016-9040/a000337>
6. Микляева А. В., Рудыхина О. В., Толкачева А. С. Содержание образов «Я-сейчас» и «Я-взрослый» у подростков с различными характеристиками личностной зрелости // Интеграция образования. 2023. Т. 27, № 1. С. 100–118. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.110.027.202301.100-118>, EDN: WYQDFF
7. Санонова Е. Е. Территория взрослости: горизонты саморазвития во взрослом возрасте. М. : Генезис, 2016. 312 с. EDN: XQALPJ
8. Twenge J. M., Keith Campbell W. Cultural Individualism Is Linked to Later Onset of Adult-Role Responsibilities Across Time and Regions // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2018. Vol. 49, iss. 4. P. 673–683. <https://doi.org/10.1177/0022022118764838>
9. Billari F. C., Hiekel N., Liefbroer A. C. The Social Stratification of Choice in the Transition to Adulthood // European Sociological Review. 2019. Vol. 35, iss. 5. P. 599–615. <https://doi.org/10.1093/esr/jcz025>
10. Jongbloed J., Giret J. F. Quality of Life of NEET Youth in Comparative Perspective: Subjective Well-Being during the Transition to Adulthood // Journal of Youth Studies. 2022. Vol. 25, iss. 3. P. 321–343. <https://doi.org/10.1080/13676261.2020.1869196>
11. Culatta E., Clay-Warner J. Falling Behind and Feeling Bad: Unmet Expectations and Mental Health during the Transition to Adulthood // Society and Mental Health. 2021. Vol. 11, iss. 3. P. 251–265. <https://doi.org/10.1177/2156869321991892>

12. Возрастные и индивидуальные особенности младших подростков / Под ред. Д. Б. Эльконина, Т. В. Драгуновой. М. : Просвещение, 1967. 360 с.
13. Толстых Н. Н. Современное взросление // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Т. 23, № 4. С. 7–24. <https://doi.org/10.17759/cpp.2015230402>, EDN: VHSQLL
14. Поливанова К. Н., Бочавер А. А., Нисская А. К. Взросление пятиклассников: 1960-е vs 2010-е // Вопросы образования. 2017. № 2. С. 185–205. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-2-185-205>, EDN: YUPYKV
15. Швец Ф. А. Возрастно-статусное самосознание как основание типологии взросления // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 4. С. 133–142. <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2020-4-133-142>, EDN: CZZZHS
16. Терещенко В. В., Чуб И. М. Индивидуально-психологические характеристики взросления в подростковом периоде онтогенеза // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2019. Т. 8, вып. 3 (31). С. 230–239. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-3-230-239>, EDN: MZYTKR
17. Курышева О. В. Развитие образа взрослости и его влияние на поведение младших подростков в реальных ситуациях : дис. ... канд. психол. наук. М., 2000. 139 с.
18. Личко А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. Л. : Медицина, 1977. 76 с.
19. Василенко В. Е., Демьянчук Р. В., Костромина С. Н., Лебедева Е. И., Медина-Бракомонте Н. А., Савеншичева С. С., Яничева Т. Г. Психолого-педагогическое сопровождение одаренных учащихся / под ред. Л. А. Даринской. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 2017. 124 с. EDN: HMPFGT
20. Рычихина Е. С., Василенко В. Е. Проявления возрастного кризиса у подростков в связи с особенностями детско-родительских отношений // Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ. СПб. : С.-Петерб. ун-т, 2018. Т. 6. С. 85–92. EDN: INLYDI
21. Мохаммад Акбар А. Т., Гуляева Т. О., Василенко В. Е. Проявления подросткового кризиса и Я-концепция: кросскультурный аспект // Петербургский психологический журнал. 2023. № 45. С. 59–97. EDN: EBTFPW
22. Уланова Ю. Ю., Василенко В. Е. Проявления кризиса трех лет у детей в контексте семейного взаимодействия // Психология САМО-стояния детей: проблемы, ресурсы, развитие, самоопределение / под ред. Т. В. Шининой. М. : ИНФРА-М, 2024. С. 70–132.
23. Головей Л. А., Данилова М. В. Структура субъективного благополучия и удовлетворенности жизнью в подростковом возрасте // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2019. Т. 8, вып. 1 (29). С. 38–45. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-1-38-45>, EDN: ZAWLDV
24. Ануфриюк К. Ю. Особенности структуры субъектности в подростковом возрасте // Развитие психологии в системе комплексного человекознания : в 2 ч. Ч. 2. / отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 261–264. EDN: PGFDIS
25. Егорова А. В., Реан А. А., Тихомандрицкая О. А. Половозрастные особенности проявления различных типов агрессии в старшем подростковом возрасте // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2024. Т. 14, вып. 2. С. 205–222. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2024.201>, EDN: FCGENV
26. Поляков С. Д., Белозерова Л. А., Вершинина В. В. Школьная повседневность старшеклассников в университетском лицее и гимназии: опыт сравнительного исследования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2023. Т. 12, вып. 1 (45). С. 4–16. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2023-12-1-4-16>, EDN: JNTTZX
27. Rydell A.-M., Brocki K. C. Behavior problems, social relationships, and adolescents' future orientation. Links from middle to late adolescence // Journal of Adolescence. 2024. Vol. 96, iss. 6. P. 1198–1211. <https://doi.org/10.1002/jad.12329>
28. Минина Т. П., Василенко В. Е. Представление подростков о собственной взрослости и восприятие ими отношений с родителями // Петербургский психологический журнал. 2023. № 45. С. 24–58. EDN: OTVOQY
29. Омеляненко А. В., Кочетков Н. А., Худяева М. Ю. Образ взрослости подростков // Образование и проблемы развития общества. 2021. № 4 (17), 2021. С. 170–176. EDN: SKBUSY
30. Гуськова Т. В., Елагина М. Г. Личностные образования у детей в период кризиса трех лет // Вопросы психологии, 1987. № 5. С. 78–85. EDN: UJNLEH

References

1. El'konin D. B. *Izbrannyye psikhologicheskiye trudy* [Selected psychological works]. Moscow, Pedagogika, 1989. 560 p. (in Russian).
2. Vygotskiy L. S. *Sobraniye sochineniy: v 6 t. T. 4: Det'skaya psikhologiya* [Collected works: in 6 vols. Vol. 4. Child Psychology]. Moscow, Pedagogika, 1984. 432 p. (in Russian).
3. Polivanova K. N. *Psikhologiya vrazrastnykh krizisov* [Psychology of age crises]. Moscow, Akademiya, 2000. 184 p. (in Russian). EDN: QXOQUZ
4. Settersten R. A., Ottusch T. M., Schneider B. Becoming Adult: Meanings of Markers to Adulthood. In: Scott R. A., Buchmann M. C., eds. *Emerging Trends*

- in the Social and Behavioral Sciences: An Interdisciplinary, Searchable, and Linkable Resource. New York, John Wiley & Sons, 2015, pp. 1–16. <https://doi.org/10.1002/9781118900772.etrds0021>
5. Marttinen E., Dietrich J., Salmela-Aro K. Intentional Engagement in the Transition to Adulthood: An Integrative Perspective on Identity, Career, and Goal Developmental Regulation. *European Psychologist*, 2018, vol. 23, no. 4, pp. 311–323. <https://doi.org/10.1027/1016-9040/a000337>
6. Miklyaeva A. V., Rudykhina O. V., Tolkacheva A. S. The Content of the Attitudes “I Am Now” and “I Am an Adult” in Adolescents with Different Characteristics of Personal Maturity. *Integration of Education*, 2023, vol. 27, no. 1, pp. 100–118 (in Russian). <https://doi.org/10.15507/1991-9468.110.027.202301.100-118>, EDN: WYQDFF
7. Sapogova E. E. *Territoriya vzroslosti: gorizonty samorazvitiya vo vzrosлом vozraste* [Territory of adulthood: Horizons of self-development in adulthood]. Moscow, Genezis, 2016. 312 p. (in Russian). EDN: XQALPJ
8. Twenge J. M., Keith Campbell W. Cultural Individualism Is Linked to Later Onset of Adult-Role Responsibilities Across Time and Regions. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2018, vol. 49, no. 4, pp. 673–683. <https://doi.org/10.1177/0022022118764838>
9. Billari F. C., Hiekel N., Liefbroer A. C. The Social Stratification of Choice in the Transition to Adulthood. *European Sociological Review*, 2019, vol. 35, no. 5, pp. 599–615. <https://doi.org/10.1093/esr/jcz025>
10. Jongbloed J., Giret J. F. Quality of Life of NEET Youth in Comparative Perspective: Subjective Well-Being during the Transition to Adulthood. *Journal of Youth Studies*, 2022, vol. 25, no. 3, pp. 321–343. <https://doi.org/10.1080/13676261.2020.1869196>
11. Culatta E., Clay-Warner J. Falling Behind and Feeling Bad: Unmet Expectations and Mental Health during the Transition to Adulthood. *Society and Mental Health*, 2021, vol. 11, no. 3, pp. 251–265. <https://doi.org/10.1177/2156869321991892>
12. *Vozrastnyye i individual'nyye osobennosti mladshikh podrostkov* / pod red. D. B. El'konina, T. V. Dragunovoy [El'konina D. B., Dragunovoy T. V., eds. Age and individual features of younger teenagers]. Moscow, Prosveshchenie, 1967. 360 p. (in Russian).
13. Tolstykh N. N. Modern maturation. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2015, vol. 23, no. 4, pp. 7–24 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/cpp.2015230402>, EDN: VHSQLL
14. Polivanova K. N., Bocharov A. A., Nisskaya A. K. Fifth-Graders Moving into Adulthood: The 1960s Vs the 2010s. *Educational Studies Moscow*, 2017, no. 2, pp. 185–205 (in Russian). <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-2-185-205>, EDN: YUPYKV
15. Shvets F. A. Age-status self-awareness as the basis of the typology of growing up. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2020, no. 4, pp. 133–142 (in Russian). <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2020-4-133-142>, EDN: CZZZHS
16. Tereshchenko V. V., Chub I. M. Individual and psychological characteristics of adulting in adolescent ontogenesis period. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2019, vol. 8, iss. 3 (31), pp. 230–239 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-3-230-239>, EDN: MZYTKR
17. Kuryshcheva O. V. *Development of the image of adulthood and its influence on the behavior of younger adolescents in real situations*. Diss. Cand. Sci. (Psychol.). Moscow, 2000. 139 p. (in Russian).
18. Lichko A. E. *Psikhopatii i aktsentuatsii kharaktera u podrostkov* [Psychopathy and character accentuations in adolescents]. Leningrad, Meditsina, 1977. 76 p. (in Russian).
19. Vasilenko V. Ye., Dem'yanchuk R. V., Kostromina S. N., Lebedeva Ye. I., Medina-Brakomonte N. A., Savenysheva S. S., Yanicheva T. G. *Psikhologo-pedagogicheskoye soprovozhdeniye odarenykh uchashchikhsay. Pod red. L. A. Darinskoy* [Darinskaya L. A., ed. Psychological and pedagogical support of gifted students]. St. Petersburg, Saint Petersburg University Publ., 2017. 124 p. (in Russian). EDN: HMPFGT
20. Rychikhina E. S., Vasilenko V. E. Manifestations of the teenage crisis due to the peculiarities of parent-child relationships. *Nauchnye issledovaniya vypusknikov fakul'teta psikhologii SPbGU* [Scientific research by graduates of the Faculty of Psychology of St. Petersburg State University]. St. Petersburg, Saint Petersburg University Publ., 2018, vol. 6, pp. 85–92 (in Russian). EDN: INLYDI
21. Mohammad Akbar A. T., Gulyaeva T. O., Vasilenko V. E. Manifestations of adolescence crisis and self-concept: Cross-cultural aspect. *Peterburgskiy psikhologicheskii zhurnal*, 2023, no. 45, pp. 59–97 (in Russian). EDN: EBTFPW
22. Ulanova Yu. Yu., Vasilenko V. E. Manifestations of the three year old child's crisis in the context of family interaction. In: *Psikhologiya SAMO-stoyaniya detej: problemy, resursy, razvitie, samoopredelenie. Pod red. T. V. Shininoy* [Shinina T. V., ed. Psychology of children's self-standing: Problems, resources, development, self-determination]. Moscow, INFRA-M, 2024, pp. 70–132 (in Russian).
23. Golovey L. A., Danilova M. V. The structure of subjective well-being and satisfaction with life in adolescence. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2019, vol. 8, iss. 1 (29), pp. 38–45 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-1-38-45>, EDN: ZAWLDV
24. Anufriyuk K. Yu. Features of the structure of subjectivity in adolescence. In: *Razvitie psikhologii v sisteme kompleksnogo chelovekoznaniya: v 2 chastyakh. Chast' 2. Pod red. A. L. Zhuravleva, V. A. Kol'tsovoy* [Development of psychology in the system of complex human

- knowledge: in 2 parts. Part 2. Eds. by A. L. Zhuravlev, V. A. Kol'tsova]. Moscow, Publishing House "Institute of Psychology RAS", 2012, pp. 261–264 (in Russian). EDN: PGFDIS
25. Egorova A. B., Rean A. A., Tikhomandritskaya O. A. Gender and age-related peculiarities in manifestation of different aggression types in older adolescents. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2024, vol. 14, no. 2, pp. 205–222 (in Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu16.2024.201>, EDN: FCGENV
26. Polyakov S. D., Belozerova L. A., Vershinina V. V. Everyday Life of high school students at university lyceum and gymnasium: Outcomes of comparative research. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2023, vol. 12, iss. 1 (45), pp. 4–16 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2023-12-1-4-16>, EDN: JNTTZX
27. Rydell A.-M., Brocki K. C. Behavior problems, social relationships, and adolescents' future orientation. Links from middle to late adolescence. *Journal of Adolescence*, 2024, vol. 96, no. 6, pp. 1198–1211. <https://doi.org/10.1002/jad.12329>
28. Minina T. P., Vasilenko V. E. Adolescents' representation of personal adulthood and their perception of relationships with parents. *Petersburg Psychological Journal*, 2023, no. 45, pp. 24–58 (in Russian). EDN: OTVOQY
29. Omel'yanenko A. V., Kochetkov N. A., Khudaeva M. Iu. The image of adulthood in adolescents. *Obrazovanie i problemy razvitiya obshchestva*, 2021, no. 4 (17), pp. 170–176 (in Russian). EDN: SKBUSY
30. Gus'kova T. V., Elagina M. G. Personality formations in children during the three year old child's crisis. *Voprosy Psichologii*, 1987, no. 5, pp. 78–85 (in Russian). EDN: UJNLEH

Поступила в редакцию 17.12.2024; одобрена после рецензирования 23.01.2025;
принята к публикации 14.02.2025; опубликована 30.06.2025
The article was submitted 17.12.2024; approved after reviewing 23.01.2025;
accepted for publication 14.02.2025; published 30.06.2025